

Чарская Лидия Алексеевна

Заслуженное счастье

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л55

Л55 **Лидия Алексеевна Ч.**
Заслуженное счастье / Чарская Лидия Алексеевна – М.: Книга по Требованию,
2022. – 108 с.

ISBN 978-5-521-29831-0

1-ч трилогии вышла под загл.: "Ради семьи", 2-я ч.: "Тяжелым путем",

ISBN 978-5-521-29831-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

покупательницъ, умѣютъ показать, какъ говорится, товаръ лицомъ, умѣютъ и покривить душою, когда надо и не надо, и сорвать, порою, неслыханную цѣну за самую обыкновенную вещь, увѣривъ довѣрчивую покупательницу, что это вещь — заграничная и стоитъ поэтому большихъ денегъ. Здѣсь цѣлый день толчея, какъ на рынкѣ. Дамы и барышни, старыя, пожилыя, молодыя и совсѣмъ юныя, приходятъ, уходятъ, выбираютъ, торгуются оживленно и настойчиво. Вороха платьевъ, юбокъ, лифовъ, блузокъ, шарфовъ, принадлежностей моды, роскоши и туалета покрываютъ собою длинные прилавки торговаго помѣщенія. Большая часть нарядовъ виситъ на металлическихъ прутьяхъ въ стѣнныхъ углубленіяхъ, задернутыхъ тафтою, меньшая облегаетъ проволочныя фигуры манекеновъ. Я изъ ея стеклянной будки, гдѣ помѣщается касса, наблюдаетъ цѣлыя сценки, происходящія между покупательницами и продавщицами. Ёй слышатся безконечные споры о цѣнѣ, торговство, упрасиванье съ одной и настаиванье съ другой стороны. И, щелкая ручкой, поворачивающей колеса автоматическаго счетчика кассной машины, дѣвушка успѣваетъ замѣтить то, что ускользнуло бы отъ другихъ, менѣе внимательныхъ глазъ.

Я видитъ, какъ младшія продавщицы «запрашиваютъ» двойную цѣну за вещи, видитъ, какъ болѣе добросовѣстныя, уступая покупателю, навлекаютъ на себя этимъ негодованіе со стороны Ильи Ивановича и своихъ очень щепетильныхъ въ дѣлахъ чести подругъ. Видитъ, какъ часто болѣзненный, слабенькій подростокъ Яша, самый младшій изъ «магазинныхъ мальчиковъ», не успѣвающий исполнить возложенную на его слабыя плечи непосильную работу, задыхаясь отъ кашля, малиновый отъ усилія, пе-

реносить тяжеленные тюки съ товарами изъ кладовой въ помѣщеніе магазина. Замѣчаетъ, какъ продавщица красавица Илочка съ модной прической изъ фальшивыхъ волосъ цѣвѣта желтой соломы танцуетъ передъ какой-нибудь не въ мѣру настойчивой покупательницей, не желающей платить пальныхъ денегъ, картавя своимъ звонкимъ голоскомъ на весь магазинъ:

— Тридцать рублей... Я прошу только тридцать, мадамъ, замѣйте. А эта прелесть стоитъ сорокъ... Увѣряю васъ... Не скупитесь же, мадамъ, набавьте... Что? Только два рубля? Вы предлагаете двадцать два? Но этого ужасно мало, мадамъ! Вѣдь эта вещь модельная... Пардонъ? Вы говорите на одинъ разъ? Клянусь вамъ, моется, какъ тряпка! Желаете примѣрить? Пожалуйста... Только дайте настоящую цѣну. Евлампія Петровна, пожалуйста въ примѣрочную.

И вотъ, и покупательница съ недовольнымъ, обиженнымъ лицомъ, и сама Илочка своей танцующей походкой, и портниха Евлампія Петровна, блѣдное, анемичное существо, обремененное большой семьей и больнымъ мужемъ, проходятъ въ примѣрочную, маленькую клѣтку, заставленную зеркалами во всю стѣну.

Оттуда покупательница выходитъ съ болѣе просвѣленнымъ видомъ и передаетъ Ии чекъ и деньги черезъ маленькое отверстіе кассы. Щелкаетъ автоматъ счетчика, выскакиваетъ указанная цифра и покупательница отходитъ отъ кассы. Ея мѣсто занимаетъ другая. За нею третья, иногда покупатели, дѣлающіе покупки для своихъ женъ, матерей, дѣтей и сестеръ. Передъ Іей проходитъ цѣлая вереница лицъ, старыхъ и молодыхъ, жизнерадостныхъ и угрюмыхъ. И такъ ежедневно. Съ девяти до восьми вечера. Только въ восемь закрывается магазинъ

и она обрѣтаетъ, наконецъ, желанную свободу. Правда, ей полагается часть на обѣдъ, отъ двухъ до трехъ и за это время въ окошечкѣ кассы мелькаетъ рыжеватая головка Илочки. Но Ія предпочитаетъ питаться сухими бутербродами, которые съѣдаетъ тутъ же за конторкой, запивая ихъ молокомъ, и почитать захваченную изъ дома книжку или газету, нежели уходить изъ магазина обѣдать въ кухмистерскую, гдѣ и берутъ такъ дорого за самыя скромныя блюда. Ѣхать же обѣдать домой, въ одну изъ отдаленныхъ линій Васильевскаго острова, гдѣ она снимаетъ у Зинаиды Юрьевны Градовой крошечную комнатку со столомъ, совсѣмъ невозможно. Зато воскресные дни Ія, наработавшаяся до изнеможенія за недѣлю, чувствуетъ себя королевой. Въ субботу ее задерживаютъ въ кассѣ нѣсколько дольше обыкновеннаго: происходитъ еженедѣльный подсчетъ кассы въ магазинѣ. Управляющій Ілья Ивановичъ имѣетъ обыкновеніе провѣрять кассу только разъ въ недѣлю и производить въ ней подробную ревизію по субботнимъ днямъ. И только въ половинѣ десятаго попадаетъ Ія въ такіе дни къ себѣ на островъ. Но уже подѣзжая на трамваѣ къ дому, она начинаетъ ощущать животрепещущую радость во всемъ своемъ существѣ. Она знаетъ, что Зинаида Юрьевна, въ ея отсутствіе, уже успѣла съѣздить въ пансіонъ Кубанской и привезти оттуда Катю на воскресный день. Знаетъ, что едва лишь раздастся ея звонокъ въ маленькой квартиркѣ, навстрѣчу къ ней выскочитъ младшая сестренка и смѣющееся отъ счастья смуглое личико прильнетъ къ ея захолодѣвшему съ воздуха лицу.

Теперь Ія не боится уже ничьего дурного вліянія на Катю и смѣло беретъ къ себѣ въ отпускъ младшую сестру. Здѣсь, въ трехъ крошечныхъ комнаткахъ Зины Градовой,

гдѣ поселилась Ія съ молодою матерью и ея дѣтьми-близнецами, съ прежней служанкой Дашей, Катя не можетъ научиться ничему худому, ни видѣть никакихъ дурныхъ примѣровъ. Здѣсь нѣтъ Нетти, задумавшей испортить на зло ей, Іи, ея младшую сестренку.

Нетти Баслановой съ ея отцомъ, матерью и мужемъ давно уже нѣтъ въ Петербургѣ. Андрею Аркадьевичу удалось выгодно продать картину и на вырученныя отъ продажи ея тысячи онъ повезъ за границу всю свою семью. Трогательно и задушевно было его прощанье съ сестрами. Ссора Нетти съ Іей ни мало не повредила доброму отношенію Андрея къ старшей сестрѣ. Онъ звалъ ѣхать съ собою молодую дѣвушку, но, помимо всего прочаго, Ія, не привыкшая жить на чужой счетъ, рѣшительно отказалась отъ предложенія брата. Ей хорошо жилось теперь у Градовой. Иногда хибарку на Васильевскомъ островѣ, какъ называла Зинаида Юрьевна свои три маленькія комнатки, посѣщалъ и князь Леонидъ Вадберскій. Егю появленія здѣсь были настоящимъ праздникомъ для всѣхъ, особенно же для Журы и Нади. Дядю Леню они любили, пожалуй, настолько же сильно, насколько не долюбивали дядю Валю, который, ко всеобщему удовольствію, не показывался здѣсь, избѣгая встрѣчи съ Іей послѣ его недостойнаго поступка съ Катей на Рождество.

Къ Леониду же Вадберскому Ія чувствовала большую признательность. Она хорошо помнила ту злосчастную ночь, когда юноша помогъ ей въ тяжелую минуту исчезновенія Кати отыскать дѣвочку, и питала къ молодому студенту самое дружеское расположеніе.

Итакъ, въ «хибаркѣ» жизнь бѣжала, какъ поѣздъ по рельсамъ: гладко, ровно и хорошо. Ія служила въ ма-

газинѣ, Зинаида Юрьевна утро и часть дня посвящала своимъ лекціямъ въ медицинскомъ институтѣ, а по возвращеніи домой готовила Журу и Надю въ приготовительные классы гимназіи. Къ вечернему чаю возвращалась Ія. Она обѣдала, пока Зина и дѣти пили чай, и тутъ же рассказывала разныя сценки изъ своей трудовой жизни. А по праздникамъ двѣ крошечныя семьи съ самаго утра соединялись вмѣстѣ. Приѣзжала Катя, приходилъ Леонидъ, жившій теперь у родственниковъ, и отправлялись куда-нибудь развлечься: или въ музей, или въ Эрмитажъ, или на выставку, а то и въ циркъ на скромныхъ началахъ на утреннее представленіе позабавить Катю и близнецовъ.

Теперь Ія, получая 75 рублей жалованья ежемесячно, отправляла матери по пятидесяти рублей въ Яблоньки каждый мѣсяцъ, оставляя себѣ двадцать пять на столъ, комнату и мелкіе расходы и умудряясь выкроить изъ этой суммы кой-какіе гроши для Кати. Она давала воскресные уроки Журѣ и Надѣ и за это имѣла въ семьѣ обѣдъ за самую умѣренную плату. А ея крошечная комнатка стоила ей самые пустяки. Словомъ, сейчасъ все улыбалось Іи и она уже мечтала о томъ днѣ, когда, испросивъ себѣ двухмѣсячный отпускъ у Ильи Ивановича Донцова, сама повезетъ Катю на каникулярное время въ далекія милыя Яблоньки и проведетъ въ обществѣ старухи-матери нѣсколько свѣтлыхъ, радостныхъ дней...

ГЛАВА II.

— Вотъ она принцесса наша! Подумаешь, важности не обратятся!.. Словно мошки мы передъ нею какія,

идеть, даже насъ и не примѣчаетъ вовсе. Головой никогда первая не кивнетъ. И чего важничаетъ, право! Нищенка такая же, какъ и мы грѣшныя! Такъ чего носъ-то задирать? Что институтъ-то окончила,—важность въ этомъ небольшая. Я и сама ученая. Въ гимназіи побывала.

— Ну, Машенька, знаемъ мы, какъ вы побывали. Изъ четвертаго класса выскочили, убоявшись книжной премудрости.

И каріе глаза Тины, молоденькой продавщицы вскинулись на розовую, свѣжую, похожую на пухлую булочку Машеньку, съ явно насмѣшливымъ выраженіемъ.

— Ну, ужъ вы пожалуйте, — обидѣлась та, — вы-то ужъ сами хороши! Недавно покупательница «Антуанету» спрашиваетъ, а вы ей воротничекъ какой-то невозможный показываете!

— Вотъ ужъ неправда!—защищается Тина,—чтобы я «Антуанеты» не знала—ерунда!

— Барышни, взгляните, наша - то царевна - не улыба нынче и вовсе разважничалась!—вдругъ, приблизившись къ спорившимъ, зашептала Илочка, указывая имъ на Ію, проходившую къ себѣ въ кассу. Какъ всегда, бодрая и спокойная, вошла она въ магазинъ, поклонившись всѣмъ однимъ общимъ поклономъ. Ія не сходилась ни съ кѣмъ изъ продавщицъ. Ни одна изъ нихъ не правила ей. Пожалуй, единственная Евлампія Петровна пришлась по душѣ молодой дѣвушкѣ и она очень часто и охотно бесѣдовала съ бѣдной портнихой, всегда озабоченной болѣзнью мужа и своими многочисленными дѣтьми. Эта бѣдная женщина покоряла Ію своею безхитростной душой, простотою и мягкостью, вызывавшими невольную жалость и участіе къ себѣ. Барышни же продавщицы совсѣмъ не

правились Баслановой. Не правила ей ихъ излишняя развязность, ихъ вульгарныя прически изъ фальшивыхъ волосъ, сопровождающій ихъ запахъ дешевыхъ но крикливыхъ духовъ, не менѣе крикливыя блузки, бившія на шикъ, а главное ихъ часто недобросовѣстное запрашиваніе высокихъ цѣнъ у покупательницъ. Но вѣрная себѣ, Ія всегда была корректна и съ ними; она здоровалась и прощалась со своими сослуживцами; всегда съ готовностью отвѣчала на ихъ вопросы, словомъ ничѣмъ не выражала имъ своего нерасположенія. И тѣмъ не менѣе барышни недолюбливали Ію, чувствуя все преимущество надъ ними ея глубокой, серьезной натуры. Онѣ завидовали ей; ея умѣнью держать себя съ достоинствомъ, заставлявшимъ относиться къ ней исключительно рѣзливо и предупредительно администрацію торговаго дома, въ лицѣ ея представителя Ильи Ивановича Донцова.

И хотя всѣ эти Тины, Машеньки, Илочки и осуждали между собою и скромный нарядъ Іи, и ея гладкую, безъ завивки и фальшивыхъ локоновъ и накладокъ прическу, и ея манеры, простыя, какъ у провинціалки, по ихъ мнѣнію, но тѣмъ не менѣе, дорого заплатили бы онѣ сами за то, чтобы олицетворять собою такую же изящную простоту. Онѣ шушукались и злословили на ея счетъ, изобрѣтая цѣлыя легенды о частной жизни Іи, въ которую никто изъ нихъ не могъ проникнуть, такъ какъ молодая дѣвушка не имѣла обыкновенія откровенничать съ ними и вводить ихъ въ свой интимный маленькій кружокъ.

Сегодня же онѣ почему-то исключительно занимались Іей, но она менѣе чѣмъ когда-либо обращала вниманіе на нихъ въ это утро. На душѣ дѣвушки было легко и радостно въ этотъ день.

Мартъ былъ давно на исходѣ. Подкрадывался веселый и ласковый апрѣль. Наступала весна, дружная и славная на рѣдкость. Только что закончилась ранняя Пасха, которую Ія провела въ общества младшей сестры. Въ перспективѣ! уже намѣчалось лѣто... Короткій отпускъ... Отдыхъ въ деревнѣ подъ крылышкомъ у нѣжной любящей матери... Близкое свиданіе съ нею... Ахъ, словомъ, все то, о чемъ такъ робко и трепетно мечтала все время своего пребыванія въ Петербургѣ молодая дѣвушка!

— Скоро! Скоро уже теперь!—проносила въ ея головкѣ радостная мысль,—скоро кончатся переходные экзамены у Кати и мы уѣдемъ. Катюша на цѣлое лѣто, а я хоть на нѣсколько деньковъ въ милыя наши Яблоньки. Вотъ - то обрадуется мамуничка старенькая наша!—и при одной мысли о матери увлажняются строгіе глаза Іи, а ея энергичное лицо принимаетъ мягкое, дѣтское, непривычное ему выраженіе.

— Наша - то, наша, смотрите, барышни, о суженомъ своемъ, никакъ, размечталась! Глядите-ка, глаза подъ лобъ закатила и улыбочка до ушей. Картинка да и только!—шепнула Илочка, проносясь мимо сбившихся въ кучу въ углу магазина продавщицъ, въ ожиданіи появленія покупательницъ.

— Ха, ха, ха! И правда о суженомъ,—усмѣхнулась Машенька.

— Смотрите, смотрите, господа, страшилище какое! Батюшки, не то орангутангъ, не то горилла, неужто же человѣкъ это?—испуганно зашептала Тина, широко раскрытыми глазами глядя на дверь.

Дѣйствительно, то, что увидѣли передъ собою продавщицы-барышни, могло испугать своимъ видомъ и далеко не робкую душу. Въ магазинъ дамскихъ нарядовъ

входилъ высокій человѣкъ съ обильной растительностью на лицѣ, загорѣломъ на рѣдкость въ это раннее весеннее время.

Высокій, худой, съ длинными руками, съ бородою, начинавшей расти у него чуть ли не подъ самыми глазами, онъ, дѣйствительно, больше походилъ на огромную обезьяну, нежели на человѣка. Тяжелая, сдѣланная мѣхомъ вверхъ шуба-доха покрывала его нескладную фигуру. А на улицѣ было тепло по-весеннему и солнце ласково пригрѣвало землю. Ни шубѣ, ни дохѣ, во всякомъ случаѣ, не было мѣста въ эти ясные первые весенніе дни.

Господинъ вошелъ. Внимательнымъ взоромъ обвелъ онъ магазинъ и остановилъ взоръ на отдѣленіи капотовъ и матинэ, висѣвшихъ въ дальнемъ углу помещенія.

— Мнѣ нуженъ голубой плафрокъ,—произнесъ онъ грубоватымъ голосомъ, не глядя на продавщицу, а куда-то выше, черезъ ихъ мастерски причесанные модныя головки.

— Извините, monsieur,—выступая впередъ, проговорила бойкая Илочка,—у насъ нѣтъ плафровокъ. Мы не торгуемъ мужскими костюмами.

— Вотъ именно, вотъ именно,—засмѣялся, словно чему-то обрадовавшись, незнакомецъ и при смѣхѣ сходство его съ обезьяною выступило еще рельефнѣе.—Вотъ именно, мнѣ и нуженъ дамскій, а не мужской плафрокъ.

— То-есть капоть?—подказала Илочка.

— Ну, да, ну да,—замоталъ онъ волосатой головой,—вотъ именно, капоть для дѣвочки, который бы могъ подходить и мальчику.

Илочка едва удержала готовый сорваться у нея съ губъ смѣшокъ при послѣднихъ словахъ незнакомца. Остальныя продавщицы уже хихикали, прячась одна за

спиною другой. И изъ-за стекла ея кассы хорошо была видна вся происходившая сцена. Она уже нѣсколько минутъ слѣдила за нею. Но странный господинъ, казалось, вовсе не замѣчалъ устремленныхъ на него насмѣшливыхъ взглядовъ. Онъ оглядывалъ самымъ подробнымъ образомъ всѣ висѣвшіе на виду костюмы и бормоталъ что-то, выдѣлывая пелѣпыя движенія руками, длинными худыми, какъ у скелета.

Вдругъ онъ увидѣлъ прелестный, нѣжно-голубой капотъ, отдѣланный кружевомъ по вороту.

— Вотъ онъ!—громко выкрикнулъ оригинальный покупатель и бѣгомъ, въ припрыжку понесся къ обратившей на себя его вниманіе вещицѣ.

Тутъ продавщицы не выдержали и дружно фыркнули.

Волосатый человѣкъ смутился на минуту. По его заросшему густою растительностью лицу поползъ густой румянецъ, выступившій темно-багровой краской на лбу, подъ глазами и на подбородкѣ.

— Гм! Гм! Я бы хотѣлъ... Я бы желалъ... вотъ этотъ самый...—бормоталъ онъ несвязно, теребя пальцами нѣжно-голубой шелкъ капотика.—Мнѣ нужно на самый маленький ростъ... На самый маленький...—продолжалъ лепетать онъ все такъ же сконфуженно. Но продавщицы, пряча раскраснѣвшіяся лица, тряслись отъ обуревавшего ихъ смѣха, не будучи въ состояніи сдѣлать шага впередъ. Илочка, уткнувшись лицомъ въ висѣвшее тутъ же манто, смѣялась безудержнѣе другихъ.

Тогда Ія спокойно поднялась со своего высокаго стула изъ-за конторки и, пользуясь тѣмъ, что въ магазинѣ кромѣ оригинальнаго незнакомца, другихъ покупателей въ это время не было, быстро прошла къ нему изъ кассы,